

Социальные и гносеологические истоки недоверия к гуманитарному знанию

С. В. Поросенков

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь. E-mail: svp53@mail.ru

Аннотация. Исследование истоков недоверия к гуманитарному знанию в современном мире актуально в теоретическом аспекте как определение существенной тенденции взаимодействия науки и общества, а в социально-практическом аспекте как определение практических, ценностных и методологических ориентиров деятельности субъектов государственного управления, системы образования, средств массовой информации и других социальных субъектов. Недоверие к гуманитарному знанию особенно четко проявляется в качестве компонента общего недоверия к науке и развертывается во взаимосвязи психических и социальных процессов, изменяющих духовную сферу жизни общества. Проблемой философского исследования становится детерминация недоверия социальных субъектов к гуманитарному знанию со стороны объективных социальных процессов и внутренних особенностей самого гуманитарного знания. Отчетливо и рационально эти внутренние особенности проявляются в гуманитарных науках.

В статье рассмотрены проявления недоверия к гуманитарному знанию в современном обществе. Определены социальные истоки этого недоверия, связанные с процессом разделения труда, ростом узкой профессионализации, ориентацией общества на потребление, развитие техницизма и технологизма, захватывающих содержание индивидуального и общественного сознания. Выявлена связь социальных истоков недоверия к гуманитарному знанию с гносеологическими истоками: плюрализм методологий, аксиологический плюрализм и релятивизм гуманитарного знания, отсутствие единого философского и общетеоретического основания этого знания. Сделан вывод об объективном значении истоков недоверия к гуманитарному знанию, сохранении и интенсификации социальных и гносеологических детерминант этого недоверия и его все более многообразных форм проявления в обществе, влиянии недоверия к гуманитарному знанию на социальные институты. Результаты исследования могут быть использованы в познании и практике социальных субъектов, включенных в динамику доверия и недоверия в современном обществе.

Ключевые слова: недоверие, доверие, гуманитарное знание, социальные истоки, гносеологические истоки, методологии, ценности.

Доверие и недоверие как непосредственные переживания, ментальные установки, сопровождающие отношения людей друг к другу, отношения людей к социальным институтам, культурным феноменам, знаниям представляют собой психические процессы, развертывающиеся как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Когда эти процессы исследуются в их регулятивном воздействии на сферы жизни общества, то это уже процессы не только в собственном психологическом или гносеологическом смысле, но явления социальные, и в этом качестве речь идет о социальном доверии и социальном недоверии. Будучи включенными в культурный контекст, доверие и недоверие приобретают аксиологическое содержание и могут быть исследованы как компоненты ценностных ориентаций, как основание принятия или неприятия человеком, социальными субъектами тех или иных ценностей.

Методологические основы изучения истоков недоверия к гуманитарному знанию предполагают:

- сравнение гуманитарного знания с естественно-научным и техническим знанием, а также сравнение между частями самого гуманитарного знания;
- ориентацию исследования на принцип детерминизма, предполагающий определение объективных социальных причин, гносеологических и аксиологических факторов и условий недоверия к гуманитарному знанию;

– анализ и субординацию аспектов изучения недоверия как социального явления, как психологического процесса, как компонента познавательного отношения и как ценностной позиции отдельных личностей, социальных групп и иных социальных субъектов.

Вместе с тем и сравнение, и применение принципа детерминизма и аналитическое различение аспектов изучения недоверия включено в широкий контекст философских, культурологических, социологических, психологических концепций. Так, в работах И. В. Глушко реализуется философский подход, в работе П. Штомпки социологический подход, а у А. А. Долина культурологический подход. Но существенной особенностью методологии изучения недоверия к гуманитарному знанию является то, что речь идет не отдельно о педагогике, психологии, этике и т. д., а также не отдельно о марксистской философии, экзистенциализме, аналитической философии, неотомизме и т. д., а о самом по себе гуманитарном знании. И потому методологической позиции гносеологического дистанцирования от глубоких несоизмеримых методологий самих гуманитариев наиболее оптимально соответствует принцип академического объективизма, когда условно гносеологически и аксиологически уравниваются различные и даже взаимно противоречивые концепции.

Динамическое взаимодействие доверия и недоверия в социальном, психологическом, аксиологическом аспектах всегда сопровождало духовную жизнь общества. Но по мере роста значения принципа антропоцентризма это взаимодействие становится все более определенно проявляющимся компонентом общественного развития.

Человек, в мировоззрении которого доминирует принцип антропоцентризма, развивает автономные личностные, субъективные качества во взаимодействии с усложняющейся системой социальных отношений, социальных институтов, включается в динамику социально-ролевой деятельности, испытывает воздействие развивающейся науки, а во взаимосвязи с ней техники и технологий. Доверие, как и недоверие, включенные до развития индустриального общества в нереплексивной форме в мировоззрение человека каждой локальной культуры, выделяются в структуре отношения человека к миру как особые переживания человека, как особые процессы оценивания общества, социальных институтов, личностей. Такие известные исследователи феномена доверия, как Н. Лукман, Э. Селигмен, П. Штомпка, определили общую тенденцию роста значения доверия в индустриальном и особенно современном обществе. Так, П. Штомпка, анализируя изменение отношения к науке в современном обществе, констатирует, что в «настоящее время доверие в науке необходимо более чем когда-либо, но мы наблюдаем зарождающееся недоверие к этой области жизни, разочарование в ней широкой общественности» [19, с. 391].

Проблема недоверия к гуманитарному знанию может быть исследована в плане именно современного динамического взаимодействия доверия и недоверия. Понятие «вера», как и производные от него понятия «доверие», «недоверие», имеют множество значений, исследуемых в гносеологии, философии религии, психологии, социологии. Наиболее существенно различать значение веры как экзистенциального отношения к чему-либо и как познавательного отношения, как субъективной достоверности и как компонента восприятия и принятия общезначимых смыслов и ценностей культуры. Известный отечественный философ Д. В. Пивоваров, характеризуя доверие, полагал, что «доверие возникает через личностное самоопределение человека в отношении своего знания. Доверие, скорее, обусловлено ожиданием истины, надеждой на обладание ею некоторым косвенным способом. Доверие имеет вероятный характер, ибо прямо не знает своего предмета» [14, с. 121]. Доверие – это содержательная сторона веры, а акт веры – это формальная динамика сознания субъекта веры, связанная с готовностью принять какое-то знание. Доверие подразумевает само принятие, признание истинности знания в гносеологическом смысле или принятие, признание положительного в аксиологическом смысле содержания того или иного знания.

Соответственно недоверие означает, что субъект либо не признает какое-то знание истинным или же он отрицает ценностное содержание знания, то есть признает его несоответствие этическим, эстетическим, религиозным, политическим и иным ценностям и отрицает их регулятивное значение. По отношению к гуманитарному знанию недоверие в аксиологическом аспекте доминирует в сравнении с недоверием в гносеологическом аспекте.

Недоверие проявляется не только к гуманитарному, но и к естественно-научному знанию. Однако в этом сравнении есть существенные особенности. Недоверие к естественно-научному знанию большей частью проявляется в рамках общего недоверия науке. «Отрицание научного знания является парадоксальным ответом на усиливающееся информацион-

ное давление, а также свидетельствует о глобальном кризисе институционального доверия, который переживает современное общество» [18, с. 285]. Ковид-диссиденты не доверяют вирусологам. Противники зеленой экономики не доверяют климатологам. Против теории биологической эволюции выступает значительная часть верующих и священников. Но такого рода недоверие к естественно-научному знанию оказывается, как правило, следствием ценностных мировоззренческих позиций, а не принципиальным опровержением самого по себе естественно-научного знания в целом. В сравнении с этим специфика недоверия к гуманитарному знанию состоит в непризнании вообще истинности и ценности гуманитарного знания в целом.

В научной литературе представлен широкий и разнообразный спектр проявлений недоверия к гуманитарному знанию. А это позволяет сказать о быстро нарастающей проблеме дальнейшего существования гуманитарных знаний в сложившихся традиционных формах их воспроизводства и функционирования в обществе. О. В. Воробьева, обобщая проявления недоверия к гуманитарному знанию и определяя признаки кризиса гуманитарных наук, констатирует: «а) сокращение государственного финансирования гуманитарных наук; б) призывы к отказу от преподавания гуманитарных наук; в) бесполезность гуманитарных наук в силу невозможности оценить их деятельность в монетарном эквиваленте; г) общемировая тенденция ориентации на подготовку узкопрофессиональных специалистов без широкой гуманитарной подготовки; д) в России 2 десятилетия идет реформа науки и образования, где гуманитарные науки наиболее страдают» [2; 22].

Ослабление гуманитарной составляющей высшего образования в современной России известно и широко обсуждается. В частности, В. Ф. Берков отмечает, что крайне прагматическая позиция «сформулирована Министерством образования и науки Российской Федерации: высшие учебные заведения должны готовить исполнителей и потребителей» [1, с. 78].

Ярко проявляется недоверие к гуманитарному знанию не только в России. Так, в Японии после 2015-го года «министерство образования, спорта, туризма, науки и техники неожиданно объявило о намерении радикально редуцировать или вовсе закрыть за ненадобностью факультеты гуманитарных наук в вузах страны» [5; 65]. И эта инициатива правительства Японии появилась на фоне и без того крайне ослабленной составляющей гуманитарного образования. «Сегодня в Японии по официальной статистике 174 университета предлагают по одной (!) магистерской программе в какой-то из гуманитарных дисциплин» [5, с. 64].

Недоверие к гуманитарному знанию может быть выражено и неявно, в форме умолчания. Например, в таком стратегическом документе Российской Федерации, как «Приоритетные направления развития науки, технологии и техники» (2011 г.), гуманитарные науки игнорируются.

Значительная часть создателей и носителей гуманитарного знания сосредоточена в вузах. Как отмечает Г. Е. Зборовский, «в целом в системе высшего образования и подавляющем большинстве конкретных вузов между субъектами высшей школы доминирует отношение недоверия» [6, с. 18]. В этих отношениях недоверия содержится и определенный источник недоверия к гуманитарной составляющей высшего образования, так как это недоверие стимулируется отношениями конкуренции различных научных школ, методологических позиций в гуманитарных науках. Что касается отношения к гуманитариям в негуманитарных вузах, то, так отмечают А. С. Соколов и Л. В. Южакова, «среди ряда специалистов существует мнение, что преподаватели гуманитарных дисциплин – это своего рода помеха в подготовке квалифицированного специалиста» [10, с. 90].

Формы проявления недоверия к гуманитарному знанию, во-первых, отражают традиционные культурные различия и, соответственно, индивидуально или с позиции соответствующих социальных субъектов не принимают как положительные и достоверные знания, содержащие иные, в сравнении с принятой культурной традицией, ценностные ориентиры. Скажет ли, например, представитель христианской традиции, что правы мусульмане в том, что полигамия более отвечает самой естественной природе мужчины, нежели моногамия? Во-вторых, формой проявления недоверия к гуманитарному знанию является взаимная критика различных методологических позиций в научно-гуманитарном познании. Так, в психологии бихевиоризм, психоанализ, гуманистическая психология, трансперсональная психология, конфессиональные психологические течения взаимно критикуют друг друга, поскольку ориентируются на глубоко различающиеся методологии, натуралистические или культурологические программы исследований. Это же в общем плане можно сказать о педагогике.

В этих сопоставлениях проявляется недоверие, которое касается части гуманитарного знания. Но можно понять и позицию тех, кто скажет, что плюрализм методологий свидетельствует о недостоверности гуманитарного знания в целом. Третьей формой проявления недоверия к гуманитарному знанию является столкновение позиций, отрицающих тенденции современной глобализации, с позициями тех субъектов гуманитарного знания, которые выражают защитные социальные реакции на глобализацию, то есть выражают стремление сохранить в условиях глобализации национальную, религиозную, гражданскую идентичность.

Недоверие к гуманитарному знанию вызывает тенденция сохранения классической научной рациональности, принципы которой применяются к неклассической науке. Гуманитарное знание с позиций классической научной рациональности вызывает фундаментальное недоверие и отрицание с точки зрения его достоверности, истинности и практической целесообразности. Известное изречение о том, что есть физика, а все остальное – это коллекционирование марок, в форме афоризма выражает глубокое научное недоверие гуманитарному знанию. Классическая научная рациональность исходит из того, что у науки есть единая методология, категории разума адекватно и однозначно отражают реальность, есть единая научная картина мира. Этим критериям современное гуманитарное знание не соответствует, и потому те, кто стоит на позициях классической научной рациональности, а она, конечно, не канула в лету, относятся к гуманитарному знанию с недоверием. Так, Г. В. Суворов, называя некоторые гуманитарные науки «пустым говорением», «софистикой», «литературщиной», приходит к выводу о том, что «гуманитарные теории являются совершенно неэффективными как в технологическом, так и в теоретическом аспектах» [17, с. 159]. А. Р. П. Кошкин полагает, что сегодня происходит «отступление гуманитарных наук с передового края истории и общества» [9, с. 101].

Однако представляется, что это поверхностные проявления недоверия к гуманитарному знанию в его научном выражении, так как начиная с выяснения специфики гуманитарных наук Г. Риккертом, В. Виндельбандом, В. Дильтеем, исследователи так или иначе определяли собственные основания этих наук. За «пустотой говорения», которая видится с внешних гуманитарным наукам позиций, присутствует внутренняя логика, включенность в культурный контекст, образуется объективное содержание. Можно отметить, что в рамках методологии структурализма М. Фуко, говоря о «непреодолимом впечатлении расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки» [20, с. 374], стремится показать позитивное основание этих наук через «языковую проекцию» всего, что связано с человеком.

Истоки недоверия к гуманитарному знанию существенным образом включены во всю совокупность социальных процессов и взаимодействий социальных субъектов, сопровождающихся динамическим взаимоотрицанием доверия и недоверия. Но тем не менее к этой совокупности социальных процессов применима общая методология различения социальных истоков во взаимосвязи с аксиологическими, гносеологическими и методологическими источниками недоверия гуманитарному знанию.

В большинстве исследований по проблематике гуманитарного знания наиболее существенным объективным социальным истоком недоверия к гуманитарному знанию определяется общемировой процесс роста узкой профессионализации, отражающий процессы разделения труда, объективную востребованность в экономике и социальной сфере все более узких специалистов. Так, А. Каймулдина, анализируя особенности гуманитаризации высшей технической школы США, констатирует, что «профессионализация высшего образования привела к увеличению узкопрактических дисциплин в ущерб социально-гуманитарному образованию: ... Постоянно повышающиеся требования к профессиональным знаниям, которые жестко отсеивает рынок, сегодня вступили в конкуренцию с общегуманитарной подготовкой специалиста, направленной на его развитие как личности» [8, с. 275]. Практические достоинства, прагматическое значение узкопрофессиональных знаний в современных условиях не просто выигрывают в сравнении с неочевидной, опосредованно проверяемой значимостью гуманитарных знаний, но становятся основой непринятия и вытеснения содержания гуманитарных знаний из образовательной деятельности, да и из мировоззрения в целом значительной части современников.

Существенным социальным истоком роста недоверия к гуманитарному знанию является сочетание взрывного развития сферы потребления с не менее взрывным воздействием техники и технологии на сознание не только нового поколения, но и на сознание людей

старших поколений. Потребительство, прагматизм, техницизм и технологизм захватывают содержание и индивидуального и общественного сознания. Поэтому происходит процесс инфляции в целом ценностного содержания гуманитарного знания. Потребительство и технологичность сознания ориентируют ценить в гуманитарных знаниях прежде всего манипулятивно-практическую составляющую знаний о человеке. Технологии манипулирования поведением, психикой, языком, мышлением, убеждениями, высказываниями и многим другим, в свою очередь, становятся источником недоверия к гуманитарным знаниям, основанным на традиционных ценностях, способах понимания смысла бытия в целом и смысла жизни отдельного человека. Эти ценности и смыслы сами превращаются в инструменты манипулирования людьми и встраиваются в технологии потребления знаний и ценностей в отрыве от их гуманистического смысла.

Потребительство, прагматизм, техницизм и технологизм, вместе со всей совокупностью социально-экономических следствий реализации принципа частной собственности, ведут к развертыванию процессов отчуждения, включая отчуждение человека от человека, самоотчуждению человека. И. В. Глушко, анализируя обусловленность недоверия в современном обществе, приходит к выводу о том, что «отчуждение является наиболее значимой историко-культурной детерминантой, формирующей основания недоверия как ментальной установки» [4, с. 18].

Для государства, работодателей, большинства организаций и для большинства отдельных индивидов польза гуманитарного знания не является очевидной. Эта польза не очевидна как в силу того, что невозможно учесть всего многообразия социальных процессов и действий социальных субъектов, так и в силу того, что эта польза может быть существенно отсрочена во времени. Тем более эту пользу, в отличие от многих естественно-научных и технологических знаний, трудно или невозможно оценить в стоимостном отношении. Поэтому в условиях роста потребительства, прагматизма и технологизма, технологичности жизни отсутствие монетарного измерения полезности гуманитарного знания становится истоком недоверия к нему.

Практически на поверхности лежит исток недоверия к гуманитарному знанию в аспекте его идеологической или конфессиональной ангажированности. Так, гуманитарные знания были интегрированы и служили господствующей идеологии в СССР. Когда принималось решение о замене кандидатского экзамена по философии на кандидатский экзамен по истории и философии науки, то одним из аргументов было то, что кандидатский экзамен по философии воплощал зависимость философии от идеологии. Но если иметь в виду идеологизацию гуманитарного знания, то это явление не локальное. Общеизвестно, что статьи в Scopus или Web of Science гуманитариям из России опубликовать намного сложнее, чем представителям естественных или технических наук. Но если в статье гуманитария из России будет критика политики или руководства РФ, то шансы такой публикации в названных индексируемых международных изданиях резко возрастают. Такая зависимость гуманитарных знаний от идеологии, конечно, вызывает недоверие к этому знанию и вместе с тем отражает сложную и фундаментальную гносеологическую проблему возможности объективно-истинного знания о человеке и обществе.

К объективным истокам недоверия гуманитарному знанию относится и их особая трансформация в процессах информатизации общества. Информационно-техническая революция предстает существенным и нарастающим в своем объективном значении истоком недоверия к гуманитарному знанию. Превращение информации в некую априорную и технологически предопределяющую все знания и смыслы ценность привело к инфляции значения всех духовных ценностей, реинтерпретации символов в знаки, превращению некогда тотально значимых символов культур в элементы информационных потоков. Отношение к гуманитарным знаниям как элементам информационных потоков отсекает смыслы, условности принятия этих смыслов и их ориентации на ценностное видение человеком мира и самого себя. Так, символы религии превращаются в истолкованные знаки, уникальные творения искусства массово тиражируются, сложнейшие художественные произведения сводятся к краткому текстовому конспекту или образному, схематическому объяснению и так далее. Не развитие понимания гуманитарных знаний, а тиражирование объяснений человека и общества по типу объяснений молекул и галактик ведет к крайней релятивизации содержания гуманитарного знания и общему недоверию к множющимся гуманитарным теориям. В аксиологическом аспекте несовпадение гуманитарных знаний с ценностной или вероучительной позицией субъекта оценки обуславливает недоверие к знанию, основанному и проинтерпретиро-

ванному с иных ценностных позиций. Так, одни и те же факты о процессах распада СССР, роли в этих процессах тех или иных деятелей, будучи включенными в интерпретации с различных ценностных позиций, приобретают статус ошибочных, недостоверных или нравственно отрицательных знаний, к которым субъект, не разделяющий ценностные позиции интерпретатора, будет относиться с недоверием.

Общим социальным истоком недоверия является ослабление регулятивной функции норм и ценностей, особенно в условиях кризиса традиционных ценностей. П. А. Окулова полагает, что недоверие «характерно для ситуации непредсказуемости, разобщения норм и ценностей в рамках того или иного сообщества. Именно в таких условиях становится невозможным предсказать поступки других людей, возникает социальное недоверие» [13, с. 210]. Проблема гуманитарного знания в том, что изгнать ценности невозможно. Если это и предусматривают сделать в познании, то, как например в бихевиоризме или социологии, ориентированной на формализацию, количественный анализ, страдает содержательная сторона и происходит упрощенная редукция относительно предмета исследования. Поэтому, скажем, естественно-научно ориентированный психолог с недоверием будет относиться к конфессиональной психологии и наоборот.

Но дело не только в том, что ценности и ценностный плюрализм невозможно исключить из гуманитарного знания. Этот исток недоверия связан и с гносеологическим истоком недоверия, то есть с методологическим плюрализмом гуманитарного знания.

Неклассическая наука предполагает, что знание об объективной реальности включает методологические установки, определившие деятельность по получению этого знания. А в сочетании с ценностным плюрализмом плюрализм методологических установок создает те различия гуманитарного знания, которые и становятся основой и вместе с тем объектом недоверия.

Есть существенное отличие плюрализма гуманитарного знания от плюрализма естественно-научного знания.

Плюрализм в естественных науках связан именно с различием методологических схем исследования, а не с ценностными ориентациями или верованиями. Одно дело плюрализм геометро-динамических моделей Вселенной, где есть все-таки самотождественное теоретическое основание общей теории относительности, другое дело плюрализм психологий, плюрализм концепций антропосоциогенеза или плюрализм школ педагогики.

Гуманитарное знание не имеет общей теоретической самотождественной основы своего плюрализма. Невозможно определить хотя бы какой-то образец для этого знания. Можно согласиться с А. А. Ивиным в том, что «область социальных и гуманитарных наук еще более разнообразна, чем область естественных наук. Идея отыскать научную дисциплину, которая могла бы служить образцом социально-гуманитарного познания, нереалистична» [7, с. 76]. Это знание формально разграничено на предметные области, но в каждой из них этот плюрализм открыт бесконечным по своим вариантам интерпретациям. Да, может быть, то или иное философское теоретическое обоснование. Но тогда обнаруживается еще больший плюрализм философий, каждая из которых в себе тотальна, универсальна, ассимилирует и объясняет все другие философии. Философия в своем развитии обнаруживает тенденцию разворачивания в направлении бесконечного разнообразия. Кроме того, в истории философии сформированы концепции, которые содержали гносеологическое основание недоверия к любым результатам познавательной деятельности. Можно согласиться с констатацией И. В. Глушко положения о том, что «гносеологическим истоком недоверия является скептицизм» [3, с. 48]. Предельное выражение гносеологической позиции скептицизма А. Ф. Лосев выражал формулой: «Никто ничего ни о чем никогда и никак не знает и не может знать» [11, с. 51].

Еще одной особенностью философии, вызывающей ее плюрализм и содержащую исток недоверия, является ее сущностная связь с личностью философствующего. В. С. Соловьев полагал, что «Философия, как известное рассудительное (рефлектирующее) познание, есть всегда дело личного разума» [16, с. 5].

М. К. Мамардашвили, характеризуя личностный характер философии, писал: «Существует культурный код в философии, независимый от знания источников и зависимый лишь от появления феномена личности, без которого философия невозможна, а феномен личности, в свою очередь, означает воспроизводство в точках индивидуального человеческого существования именно вот того построения самого себя вокруг несомненного невербального существования своего мыслящего состояния в мире, о котором я говорил в связи с постулатом

«я мыслю, я существую», осуществляющим фактически онтологическое бытийное укоренение сознания» [12, с. 101].

В отношении значения личности в философии можно говорить о доверии или недоверии личности философствующего, а значит, доверии или недоверии к гуманитарному знанию, которое основано на соответствующем философском учении.

Можно отметить тенденцию бесконечной рефлексии в философии, когда ее исходные, наиболее фундаментальные проблемы скрываются обсуждением средств обсуждения, что ведет к своеобразному убоганию философии самой от себя. П. Курц выражает эту тенденцию следующим образом: «Философы в наше время предпочитают анализировать значение термина утверждение, а не самим что-то утверждать; они спрашивают о значении термина благо, а не пытаются ответить на вопрос, как его достичь в нашей жизни; они исследуют функции глагола быть, вместо того чтобы постигать само бытие» [10, с. 32].

Может ли вызывать доверие такая уходящая в себя через многоступенчатую рефлексивную познавательную форму, как она может быть основанием совершенного гуманитарного знания?

Если гуманитарное знание – это знание о человеке, то философия может быть основой, но такой разорванной на несоизмеримые концепции человека, что эта несоизмеримость сама по себе основа фундаментального недоверия, – недоверия не к частностям, а к самой сущности понимания человека: человек божественное существо; нет, человек социальное, деятельное существо; нет, человек биологическое существо; нет, человек эксцентрическое существо, он выше всех религиозных, социальных, естественных определенностей; но нет, человек существо экзистенциальное и так далее и так далее.

Каждый из философских подходов сам в себе содержит собственное обоснование, а гуманитарии явно рефлексивно или нереплексивно ориентируются на те или иные подходы, но интуитивно или рационально осознавая их несоизмеримость невольно уже в рамках самого гуманитарного знания, выделяют то, чему они доверяют и чему они не доверяют.

Когда, например, А. Маслоу и Г. Олпорт в известном манифесте гуманистической психологии обвинили бихевиоризм и психоанализ в клевете на человека, то это явилось ярким проявлением недоверия одной части гуманитарного знания к другой его части. А это недоверие было обусловлено фундаментальными различиями философских подходов, на которые опирались исследователи.

Наиболее существенным социальным последствием различных форм недоверия к гуманитарному знанию является углубление разобщения социальных субъектов. При этом, чем большие усилия будут применяться в СМИ, социальных сетях, идеологических воздействиях для придания каким-либо ценностям позиций всеобщего значения, тем выше будет уровень недоверия, глубже разобщение и активнее идейное сопротивление. Так, в процессах глобализации те или иные формы всеобщности ценностных позиций и соответствующих гуманитарных знаний ведут к восприятию и пониманию глобализации как американизации или китаизации, что вызывает реакцию социальных субъектов в форме отрицания американизации или китаизации и стремление сохранить культурную, национальную, религиозную идентичность с соответствующими особенностями трактовки гуманитарных знаний. Эта проблема существует и в региональном аспекте. Так, придание православию значения ценностного духовного центра российского общества ведет к тому, что люди, занимающие атеистические, индифферентные позиции или являющиеся лишь номинально православными верующими, не говоря о наличии других вероисповеданий, консолидируют свои ценностные позиции, определяют свои трактовки гуманитарных знаний, что содержит истоки дальнейшего недоверия с позиции одних объяснений гуманитарных знаний по отношению к другим ценностным и гносеологическим позициям.

Сам по себе плюрализм гуманитарного знания содержит формальную возможность роста недоверия гуманитарным знаниям. Эта формальная возможность реализуется в проявлениях социальной и аксиологической активности социальных субъектов, от этой активности зависят гносеологические аспекты объяснений гуманитарного знания, включая многообразие методологий, когда речь о научных гуманитарных знаниях.

Поскольку социальная и гносеологическая активность социальных субъектов представляет собой объективный процесс, а совокупная активность всех социальных субъектов для каждого отдельного субъекта выступает совершенно объективным фактором, то и недоверие к гуманитарному знанию при всем многообразии индивидуальных и общественных форм его выражения может быть представлено как объективная закономерность духовной жизни общества.

Для государства в рамках функционирования духовной подсистемы общества наличие недоверия гуманитарному знанию, особо к научному гуманитарному знанию, содержит тот положительный потенциал, что это недоверие может быть сигналом, маркером практической несостоятельности или деструктивной роли того или иного гуманитарного знания. Вместе с тем недоверие к определенным областям гуманитарного знания, особенно в области права, политики, открывает возможность исследовать, оценить и принять практические меры относительно социального недоверия в обществе в целом. Поскольку научные знания могут быть основой легитимности деятельности государства, то недоверие к научно-гуманитарным знаниям становится формой социального недоверия к государству.

Однако наиболее значимо для государства то, что недоверие к гуманитарному знанию свидетельствует о процессах разобщения людей. Разобщение повышает непредсказуемость социально-значимых действий, что снижает эффективность государственного управления.

Недоверие к гуманитарному знанию также отражает становление новых ценностей, норм, особенно в рамках виртуальных информационных сообществ. Традиционные гуманитарные знания, устоявшиеся научные гуманитарные концепции, могут быть подвергнуты критике с позиции новых информационных сообществ. Для государства этот аспект проявления недоверия гуманитарному знанию значим в формировании стратегии регулирования новых социальных процессов и предвидении формирования новых социальных институтов, обусловленных виртуальной информационной средой. Ценности и нормы, формируемые информационными сообществами, становятся основой недоверия к оставшимся в прошлом гуманитарным знаниям и вместе с тем обозначают контуры новых социальных институтов.

В целом можно сделать вывод об объективности истоков недоверия к гуманитарному знанию. И поскольку процессы роста требований к узкопрофессиональным знаниям, процессы информатизации, рост плюрализма методологий гуманитарных наук, различия и противоречия ценностных систем будут сохраняться, то недоверие к гуманитарному знанию не только не исчезнет, но будет все более широким и многообразным. Для творцов и носителей гуманитарного знания эта тенденция недоверия, с одной стороны, предстает объективным процессом, а с другой стороны, источником новых идей, методологических подходов и теорий.

Список литературы

1. Берков В. Ф. Опасный рубеж в модернизации сферы социально-гуманитарного образования // Социология. 2012. № 3. С. 77–79.
2. Воробьева О. В. О проблемах и перспективах развития гуманитарного образования в России // Высшее образование в России. 2019. № 11. С. 22–33.
3. Глушко И. В. Философская парадигма анализа недоверия // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3–4. С. 47–50.
4. Глушко И. В. Доверие и недоверие как ментальная установка в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 15–20.
5. Долин А. А. Гуманитарное образование в Японии: невеликое в малом // История и современность. 2020. № 3 (37). С. 63–94.
6. Зборовский Г. Е. Ключевые проблемы доверия в высшем образовании: изучение и репрезентация // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 17–25.
7. Ивин А. А. Современная философия науки. М.: Высш. шк., 2005. С. 592.
8. Каймулдина А. Особенности гуманитаризации высшей технической школы в США // Наука и новые технологии. 2010. № 4. С. 274–276.
9. Кошкин Р. П. Перспективы развития гуманитарных наук и гуманитарного образования // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4 (27–28). С. 101–109.
10. Курц П. Искушение потусторонним. М.: Академический проект, 1999. 608 с.
11. Лосев А. Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 399 с.
12. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 418 с.
13. Окулова П. А. Становление теории социального недоверия в европейской социологии // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 210–216.
14. Пивоваров Д. В. Душа и вера. Оренбург: Изд-во ООИПК РО, 2003. 223 с.
15. Соколов А. С., Южакова Л. В. Некоторые проблемы гуманитарного образования инженера // Высшее образование в России. 2009. № 4. С. 90–93.
16. Соловьев В. С. Кризис западной философии: (против позитивистов): в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.

17. Суворов Г. В. Язык гуманитарного познания. О научности гуманитарных исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (37). С. 156–161.

18. Тухватуллина Л. А. Онтологическая безопасность и суррогатное знание: о социальных основаниях недоверия к науке // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2020. № 55. С. 285–289.

19. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.

20. Фуко М. Слава и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: Логос, 1994. 406 с.

Social and epistemological origins of distrust of humanitarian knowledge

S. V. Porosenkov

Doctor of Philosophy, associate professor, Professor of the Department of Philosophy,
Perm State National Research University. Russia, Perm. E-mail: svp53@mail.ru

Abstract. The study of the sources of distrust of humanitarian knowledge in the modern world is relevant in the theoretical aspect as the definition of a significant trend in the interaction of science and society, and in the socio-practical aspect as the definition of practical, value and methodological guidelines for the activities of subjects of public administration, the education system, the media and other social subjects. Distrust of humanitarian knowledge is especially clearly manifested as a component of the general distrust of science and unfolds in the interrelation of mental and social processes that change the spiritual sphere of society. The problem of philosophical research is the determination of the distrust of social subjects towards humanitarian knowledge on the part of objective social processes and internal features of humanitarian knowledge itself. These internal features are clearly and rationally manifested in the humanities.

The article examines the manifestations of distrust of humanitarian knowledge in modern society. The social origins of this distrust are identified, associated with the process of division of labor, the growth of narrow professionalization, the orientation of society towards consumerism, the development of technicism and technologism, capturing the content of individual and social consciousness. The connection of the social origins of distrust of humanitarian knowledge with epistemological origins is revealed: pluralism of methodologies, axiological pluralism and relativism of humanitarian knowledge, the absence of a single philosophical and general theoretical basis for this knowledge. The conclusion is made about the objective significance of the sources of distrust of humanitarian knowledge, the preservation and intensification of the social and epistemological determinants of this distrust and its increasingly diverse forms of manifestation in society, the influence of distrust of humanitarian knowledge on social institutions. The results of the study can be used in the knowledge and practice of social subjects included in the dynamics of trust and distrust in modern society.

Keywords: distrust, trust, humanitarian knowledge, social origins, epistemological origins, methodologies, values.

References

1. Berkov V. F. *Opasnyj rubezh v modernizacii sfery social'no-gumanitarnogo obrazovaniya* [A dangerous frontier in the modernization of the sphere of social and humanitarian education] // *Sociologiya* – Sociology. 2012. No. 3. Pp. 77–79.

2. Vorob'eva O. V. *O problemah i perspektivah razvitiya gumanitarnogo obrazovaniya v Rossii* [On the problems and prospects of the development of humanitarian education in Russia] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2019. No. 11. Pp. 22–33.

3. Glushko I. V. *Filosofskaya paradigma analiza nedoveriya* [Philosophical paradigm of the analysis of distrust] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* – Society: philosophy, history, culture. 2011. No. 3–4. Pp. 47–50.

4. Glushko I. V. *Doverie i nedoverie kak mental'naya ustanovka v rossijskom obshchestve* [Trust and distrust as a mental attitude in Russian society] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* – Socio-humanitarian knowledge. 2016. No. 7. Pp. 15–20.

5. Dolin A. A. *Gumanitarnoe obrazovanie v Yaponii: nevelikoe v malom* [Humanitarian education in Japan: small in small] // *Istoriya i sovremennost'* – History and modernity. 2020. No. 3 (37). Pp. 63–94.

6. Zborovskij G. E. *Klyuchevye problemy doveriya v vysshem obrazovanii: izuchenie i reprezentaciya* [Key problems of trust in higher education: study and representation] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Surgut State Pedagogical University. 2018. No. 5 (56). Pp. 17–25.

7. Ivin A. A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern philosophy of science]. M. Vysshaya shkola (Higher School). 2005. P. 592.

8. Kajmul'dina A. *Osobennosti gumanitarizatsii vysshej tekhnicheskoy shkoly v SShA* [Features of humanitarization of higher technical school in the USA] // *Nauka i novye tekhnologii – Science and new technologies*. 2010. No. 4. Pp. 274–276.
9. Koshkin R. P. *Perspektivy razvitiya gumanitarnykh nauk i gumanitarnogo obrazovaniya* [Prospects for the development of humanities and humanities education] // *Strategicheskie priority – Strategic priorities*. 2020. No. 3–4 (27–28). Pp. 101–109.
10. Kurc P. *Iskushenie potustoronnim* [Temptation to the otherworldly]. M. Akademicheskiy Proekt (Academic Project). 1999. 608 p.
11. Losev A. F. *Kul'turno-istoricheskoe znachenie antichnogo skeptitsizma i deyatelnost' Seksta Empirika* [Cultural and historical significance of ancient skepticism and the activity of Sextus Empiricus] // *Sekst Empirik : v 2 t. T. 1 – Sextus Empiricus : in 2 vols. Vol. 1*. M. Mysl (Thought). 1975. Vol. 1. 399 p.
12. Mamardashvili M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. M. Progress. 1990. 418 p.
13. Okulova P. A. *Stanovlenie teorii social'nogo nedoveriya v evropejskoj sociologii* [The formation of the theory of social distrust in European sociology] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*. 2010. No. 2. Pp. 210–216.
14. Pivovarov D. V. *Dusha i vera* [Soul and faith]. Orenburg. Publishing house of OOIPK RO. 2003. 223 p.
15. Sokolov A. S., Yuzhakova L. V. *Nekotorye problemy gumanitarnogo obrazovaniya inzhenera* [Some problems of humanitarian education of an engineer] // *Vyssee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia*. 2009. No. 4. Pp. 90–93.
16. Solov'ev V. S. *Krizis zapadnoj filosofii: (protiv pozitivistov) : v 2 t. T. 2* [The crisis of Western philosophy: (against positivists) : in 2 vols. Vol. 2]. M. Mysl (Thought). 1988. 822 p.
17. Suvorov G. V. *Yazyk gumanitarnogo poznaniya. O nauchnosti gumanitarnykh issledovaniy* [The language of humanitarian knowledge. About the scientific nature of humanitarian research] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Herald of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2020. No. 3 (37). Pp. 156–161.
18. Tuhvatullina L. A. *Ontologicheskaya bezopasnost' i surrogatnoe znanie: o social'nykh osnovaniyakh nedoveriya k nauke* [Ontological security and surrogate knowledge: on the social grounds of distrust of science] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sociologiya, politologiya – Herald of Tomsk State University. Philosophy, sociology, political science*. 2020. No. 55. Pp. 285–289.
19. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the basis of society] / transl. from Polish by N. V., Morozova. M. Logos. 2012. 440 p.
20. Foucault M. *Slava i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [Fame and things. Archeology of the humanities] / transl. from Fr. by V. P. Vizgin, N. S. Autonomova. SPb. Logos. 1994. 406 p.